

СЕРИЯ «БОСИКОМ ПО ЛУЖАМ»
НАТАЛЬЯ АВЕРКИЕВА

В ТЕНИ ТВОИХ РЕСНИЦ

КНИГА 2

18+

Наталья Аверкиева
В тени твоих ресниц
Серия «Босиком по лужам», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43267053

SelfPub; 2021

Аннотация

Что делать, когда за твое сердце сражаются двое – тот, кого ты любишь, и тот, кто считает себя более достойным, и ни один из них не собирается уступать? И вроде бы выбор очевиден – нужно следовать за своим сердцем. Но не все так просто. Ложь и шантаж способны разрушить сразу две жизни, оборвать две успешные карьеры, уничтожить любые отношения. Способна ли ты пожертвовать всем ради счастья и будущего любимого и отступить, оставшись с нелюбимым мужчиной? Способен ли он принять твой выбор и даст ли тебе уйти?

Содержание

В тени твоих ресниц	5
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	39
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Наталья Аверкиева

В тени твоих ресниц

Серия «Босиком по лужам»

Книга 1. Босиком по лужам

Книга 2. В тени твоих ресниц

Книга 3. Город пахнет тобою...

Книга 4. Разреши себя любить

Shutterstock (с) изображение на обложке лицензионное, с разрешением на коммерческое использование

В тени твоих ресниц

*Какая, в сущности, смешная вышла жизнь
Хотя, что может быть красивее
Чем сидеть на облаке и, свесив ножки вниз,
Друг друга называть по имени.*

Високосный год (с) Лучшая песня о любви

Глава 1

Сегодня время остановилось. Каждый раз, когда я смотрела на часы, стрелочка сдвигалась по делениям совсем на чуть-чуть, и мне уже начало казаться, что час икс не настанет никогда. Ну и что вы думаете? Я опоздала... Впрочем, как обычно.

Вбежала в здание аэропорта, сбив какого-то зазевавшегося мужика и обругав его со злости. Опрометью кинулась к табло информации. Взглядом заметалась по строчкам в поисках знакомых цифр – номер рейса, которым должен прилететь Тиль. Черт! Самолет сел полчаса назад! Дурацкие пробки и мистер О'Нилл со своим «Мария, выпьем кофе в спокойной обстановке», президент международного фонда, написание полного названия которого занимает три строчки мелким шрифтом! Нет, интервью мистер О'Нилл, конечно же, дал, зря что ли я «окучивала» его неделю, но переодеться во что-то более демократичное уже не успела – так и носилась по зданию в строгом деловом костюме мышинового цвета, похожая на спятившую училку начальных классов, только указки не хватало. Зато, узнав, что я опаздываю в аэропорт, дядька выделил мне лимузин и личного водителя. Вот из-за этого дурацкого лимузина мы и застряли на улицах Сиднея. Тили я заметила на балконе сразу же. Простая белая фут-

болка, темные джинсы. В одной руке желтая сумка Дэна, в другой олимпийка от любимого «Адидаса». На плече другая сумка, думаю, что с ноутбуком. Волосы убраны под бейсболку, на глазах солнечные очки. Замаскировался, – по-доброму ухмыльнулась я и... растерялась. Как сейчас себя с ним повести? Броситься на шею и показать всю радость, которая меня переполняет? Быть холодной? Приветливой? Осторожной? Какой? Мы последний раз виделись в Москве, где разругались в пух и прах. Пара минут в Париже спустя три с лишним месяца за встречу не считается, потому что всё, что нам было позволено в тот момент, – это стоять в дюжине метров друг от друга и тоскливо смотреть глаза в глаза: Тиль выступал, а я уговорила его телохранителя разрешить подойти к сцене. Зато меня зауважали охранники ребят и сами ребята. Конечно, только русская идиотка могла прилететь в Париж всего на полтора часа, вместо планируемых восьми, за полчаса до вылета самолета обратно в Москву добраться до концертного зала, сказать всем «здрости» и столь же стремительно удрать обратно в аэропорт! Потом Тиль позвонил... И больше я не хотела думать, какие телефонные счета мы с ним получим за этот месяц. Он звонил каждый день, иногда несколько раз в день. Он писал смски и письма. Я не расставалась с телефоном ни на мгновение, боясь пропустить его звонок, а на совещаниях нагло включала личную почту, чтобы не прозевать от него ни одного письма и оперативно ответить. Однажды забыла телефон в номере и вся извелась

на Конгрессе. Кое-как досидела до перерыва и рванула в гостиницу, решив, что мировые проблемы никуда не денутся, а Тиль будет волноваться. Так и есть! Телефон пронзительно пищал, сообщая, что книга памяти вот-вот взорвется, если получит еще хотя бы одно истеричное смс. И вот это сумасшествие длится почти три недели. Я счастлива! Я безумно счастлива!

Вообще мы договаривались, что как только я вернусь из Австралии, возьму пару дней выходных и прилечу к нему куда-нибудь. Куда-нибудь – потому что с его вечными разъездами было трудно заранее запланировать, какую именно страну мне придется осчастливить. Но вместо предполагаемых двух недель, я зависла в Сиднее на три. И как-то вечером по телефону Дэн сдуру пошутил, что теперь Тиллю придется лететь в Австралию, если он так жаждет меня видеть. Тиль хмыкнул (уверена, пожал плечами) и заявил, что он ни разу не был на Зеленом Континенте, а у них как раз образуется небольшое окошко между выступлениями. Все мои попытки убедить его, что это глупо, что лучше побыть дома, отоспаться, отдохнуть и хотя бы немного отъесться, а то после тура, после всех этих премий и тв-шоу, он больше смахивает на свежерытую мумию какого-нибудь мелкого и бедного фараона, чем на живого человека, – ничем хорошим не увенчались. Дэн пообещал, что отговорит брата от бредовой затеи, но в итоге уговорил Зако оформить все документы для предстоящей поездки – это оказалось легче, чем повлиять на

решение Тиля. Делалось все очень быстро и в строжайшей тайне от руководства. Никто и не подозревал, куда делся солист популярнейшей рок-группы на эти неполные пять дней. Следовательно, если о визите Тиль в Сидней узнает менеджмент, то попадет ему знатно, а Зако так и вообще уволят. Но, кто не рискует, тот не гусар! Точка. И сейчас Тиль идет в мою сторону с совершенно счастливейшей улыбкой. А я стою и мечтаю только об одном: завизжать на весь аэропорт, подпрыгнуть, хлопнуть в ладоши и кинуться ему на шею!

Он сбросил большую сумку на пол, поменьше – аккуратно положил сверху. Снял очки... Господи, какой же счастливый взгляд! И улыбка... Водопад счастья! Водопад!

– Мистер Шенк? – деловым тоном, как самая крутая секретарша самого крутого начальника рядовому сотруднику безразлично сказала я. – Рада приветствовать вас на Зеленом Континенте. Идите за мной, – повернулась на 180 градусов и учтиво отступила, предлагая ему пройти вперед.

Глаза Тиль удивленно расширились. Рот приоткрылся. Брови изогнулись так, что я позавидовала – даже при помощи пальцев у меня не получится изогнуть свои брови в такие замысловатые линии. Потом лицо плавно сменило выражение на «Их Высочество, мягко говоря, охренел от такого приема и страшно обиделся». Он сжал губы в нитку и противно прищурился, скрестил руки на груди и глянул на меня исподлобья.

– Идем, – ласково позвала я, стараясь держать лицо стро-

гим. — Ты же просил не палить наши отношения, а сам по дороге три штуки автографов умудрился дать. Вон сколько немцев вокруг.

Тиль тяжело вздохнул, закинул обе сумки на плечо и поплелся за мной.

Водитель учтиво распахнул дверь, когда мы вышли к паркингу. Подхватил вещи парня и убрал в багажник. Тиль привычно сел на заднее сиденье, принялся набирать смс. Губы поджаты, на лбу хмурые морщинки. Недоволен и обижен. Я уселась рядом, уставилась в окно. Мы выезжали со стоянки. Вроде бы стекла затонированы... Через лобовое стекло можно все увидеть... Надо загородить Тиля... Вдруг водитель не поймет... Ну и черт с ним! Хорошо, что машина большая и широкая... Обожаю лимузины!

Я бесцеремонно забрала у него мобильник и швырнула куда-то на сиденье. Ловко переместилась на колени и обхватила лицо ладонями.

— Когда-то мне казалось, что я уже никогда не буду целоваться с тобой, — нежно коснулась губ. — Самое ужасное, это сдерживать себя, когда ты настолько рядом... — А потом... Потом я перестала себя контролировать... Мы упоенно целовались, кусались, фырчали... Руки бесстыдно ласкали тело, забираясь под одежду. С огромным трудом я не позволяла себе опускать ладони ниже груди — плечи, шея, голова и всё, иначе не выдержу... Тело больше не подчиняется разуму. Тело хочет мальчика и немедленно. Сейчас же! Да и Тиль

возбужден до предела (сизжу-то верхом, сильно прижавшись к телу, а его пальцы давно под юбкой ласкают мои бедра)... Ох, какое же счастье, что я не парень! Скинула его бейсболку, сорвала резинку, сдерживающую волосы, и вцепилась в мягкие локоны, лаская голову. Он тихо выдохнул куда-то в район уха. Я едва не кончила. Казалось, что если сейчас не отдам ему всю ту нежность, страсть и любовь, что накопи-лась во мне за эти четыре месяца, то не отдам уже никогда.

Мы смогли остановиться только тогда, когда водитель, которому надоело просто так многозначительно хмыкать, попросил нас «немножко потерпеть до отеля». Я зажмурилась, обняла Тиля, уткнулась носом в его шею и так просидела у него на коленях до самой гостиницы, боясь открыть глаза и увидеть, что все это всего лишь сон. Он что-то бормотал мне в ухо, но я почти не понимала, его руки гладили по спине, перебирали волосы, губы мягко касались щек, шеи, мочки. Я была в раю. Он здесь, он со мной, он рядом! Живой, теплый, такой родной, ненаглядный, любимый.

Перед выходом из машины Тиль еще раз поправил джинсы. Это мало помогло. Они оставались отчаянно тесны.

– Черт, – проворчал он. – Надеюсь, мне повезет и меня я таким стояком никто не снимет. Не хочу, чтобы потом весь мир в Интернете обсуждал мой член.

– Ой, Тиль, можно подумать, в Интернете обсуждают твоё творчество, – фыркнула я, одергивая юбку и пиджак, собирая волосы в «хвост». – Для этого у вашей группы слишком

редко выходят новые песни.

– Ничего себе редко! – возмутился он, величественно передавая вещи носильщику. – Да у нас в этом месяце новая песня вышла и клип! Между прочим, я больной в нем снимался. С температурой.

– Вот я и говорю, что редко. Девушки пару дней по новой песне пострадали, еще пару дней клип обсуждали, потом попереживали из-за твоей болезни. А оставшиеся недели посвятили изучению новых фоток в мельчайших подробностях.

Тиль покосился на меня, всем своим видом показывая, что ему неприятна эта тема.

– Ты тоже?

– О, нет, я уговорила себя потерпеть, покуда подробности сами ко мне не прилетят. Но, поверь, это было нелегко. Тело ни в какую не соглашалось.

Он подозрительно скривился.

– Надеюсь, ты была убедительна?

– Оно все равно другим не давалось. Тебя ждало.

– Только тело? – ухмыльнулся.

Я хитро улыбнулась в ответ, потерлась щекой о его плечо и распахнула дверь номера.

– Входи. Нас не беспокоят. Всё уже учтено: Don't disturb. Добро пожаловать, в отель.

Тиль хихикнул:

– Я смотрю, ты тексты подучила.

– Надо же мне было чем-то заниматься, пока ты по миру колесил, – мурлыкнула я, прижимаясь к нему.

– Какие у нас планы на вечер? – обнял и поцеловал.

– Душ. Секс. Ужин. Секс. Секс. Секс. Сон.

– Так мало? – с обидой проныл он. – Я рассчитывал, что секса будет значительно больше.

– О'Кей, давай опустим первый, третий и последний пункты. Но ты же сам откажешься.

– Нет, без этих пунктов никак нельзя. Особенно без первого. Я сутки в небе болтался, так что душ обязателен для поднятия общего тонуса.

Я захохотала, легко дотронувшись до ширинки.

– Твой тонус поднимать не надо. Он до сих пор в тонусе.

Тиль улыбнулся, мило вздохнул и ушел в ванную.

Я подождала, пока он заберется под душ, и тихонечко скользнула в приоткрытую дверь. Уселась в уголке на полу, подтянув колени к груди и обняв халат и полотенце, принялась наблюдать сквозь запотевшие стекло, как он моется. Иногда потоки воды смывали микроскопические капельки, и мне становилось хорошо видно его худое тело, мыльные руки лениво блуждающие по торсу, аккуратные ягодицы и даже ямочки на крестце, тонкие ровные ноги с красивым рельефом мышц. Он запрокинул голову, подставляя лицо воде. Длинные черные волосы струились по спине. Я отметила, что он сильно похудел с прошлого раза. До этого-то был худющий, а сейчас так и вовсе скелетообразный, ребра страш-

но торчат. Вспомнила, как недавно он жаловался, что концерты идут один за одним почти ежедневно при постоянных переездах-перелетах из города в город, из страны в страну, как он вымотался и безумно устал. Ему даже поболеть не дали толком. Так он два концерта с температурой и выступал, пока в какой-то момент просто не смог утром соскрестись с постели и произнести из-за больного, сорванного горла хотя бы слово. Вспомнила, как, разглядывая фотографии с какой-то европейской премии, обратила внимание, что щеки ввалились, а глаза подведены особенно густо и очень широко – синяки что ли маскировали? Даже Дэн как-то меньше осунулся, чем Тиль. Тогда они вдвоем пытались меня убедить, что все хорошо и эта загнанность в глазах всего лишь плод моей больной фантазии. Сейчас же я видела перед собой тощего юношу, которого можно было выставлять в качестве экспоната для изучения анатомии без использования дополнительных средств, типа рентгена, в любом медучилище.

Тиль неторопливо намылил волосы.

Как же я по нему соскучилась... Последние дни вообще тяжело мне дались. Когда он подтвердил дату и время прилета, тело словно взбесилось. Я неожиданно обнаружила, что меня окружают исключительно фаллические символы. Все мысли крутились только вокруг Тиля и предстоящего секса с ним. Я стала рассеянной и мечтательной, с какой-то поволокой в глазах, которую тут же заметили окружающие мужчины. Голодную «кошечку», изнывающую без секса, момен-

тально окружила армия «котов», готовых на подвиги. И только «кошечка» ждала своего «котика», с трудом отбиваясь от настырных чужаков. Сейчас тело ныло и требовало пойти к нему, добывая разум картинками, весьма неприличного содержания.

Он нежился под водой, смывая шампунь. Поворачивал голову то так, то эдак. Руки опять скользят по телу...

Тиль встал полубоком, и я не смогла сдержать стона восхищения – какая эрекция! У него стоял так, как я даже в порнофильмах не видела.

Он коснулся рукой члена, и я поняла, что если сейчас ему придет в голову снять напряжение самостоятельно, то я умру от перевозбуждения. Бросив полотенце и халат, сняв с себя футболку и трусики, шагнула к душевой кабине. Чуть помедлила, а потом, отодвинув створку, аккуратно ступила под воду, обняв его со спины. Тиль дернулся от неожиданности. Улыбнулся. Я прижалась к нему, согреваясь. Мои руки заскользили по телу. Грудь. Соски. Ключица. Он накрыл их ладонями, несмело направляя вниз к животу. Большие пальцы пробежались по ребрам. Аккуратная ямочка пупка. Крепкий, накачанный пресс. Пальцы кольнули отросшие волоски подбритого лобка – это из-за джинсов на низкой талии, завтра утром тут будет страшное раздражение, надо бы быть поаккуратнее. Дотронулась до основания члена и он тихо и как-то боязливо застонал, запрокинул голову. Провела, едва касаясь кожи, туда-сюда. Тиль взял меня за запястья, яв-

но намереваясь показать... Я знаю, как тебе нравится, помню, но хочу по-другому... Развернула его к себе и опустилась на колени. Головкой провела по губам, глядя на него снизу вверх, подразнила немного. Кончик языка устремился к уздечке, прошелся по стволу. Тиль задрожал, как завороченный следя за каждым моим движением. Я лизнула яички. Рука не останавливается – верх-вниз, верх-вниз. На меня сверху льется вода, попадает в глаза, нос, рот. Я фыркаю и жмурюсь. Вижу, что его взгляд затуманен. Он смотрит и не смотрит на меня. Видит и не видит. Он на грани. Опять облизала головку. Тиль поддался вперед, вгоняя член в рот. Я плотно обхватила его губами, но ничего сделать не успела – мальчик кончил. Кончил сильно, бурно и очень ярко. Со стонами, переходящими во всхлипывания, судорожно вцепившись мне в волосы. Я чуть не подавилась от неожиданности. Все-таки надо его подучить, самой же потом лучше будет. Впрочем, что я хочу от мужчины, занимающегося сексом второй раз в жизни? Хорошо, хоть не шарахается больше и не зажимается.

Подняла глаза на него. Тиль растерянно, виновато и испуганно смотрел на меня, пытаюсь предсказать реакцию. Щеки пунцовые – не то от горячей воды, не то от смущения.

– Я... это...

Приложила палец к губам. Не надо оправдываться. Ну, кончил и кончил, я же видела, насколько ты возбужден. Немного поигралась с членом, подразнила, скорее из балов-

ства, чем из практической надобности. Поднялась к Тилу и потянулась за поцелуем. Сколько же в его взгляде нежности и счастья, какой же он теплый и ласковый. Словно утренний лучик материализовался и превратился в человека. Да, именно так должен выглядеть живой лучик. Искорка...

Тиль очень смешно пробовал мой поцелуй – привкус-то его спермы, непривычно: сначала осторожно, словно во рту у меня отравка, потом заводясь все больше и больше. Руки опять скользят по телу, иногда он щипался в запале, иногда царапал кожу длинными ногтями. Сколько страсти, сколько желания. Желания меня. Именно меня. Моего тела, моей души, меня всей, без остатка.

– Идем в комнату, – неожиданно прервался он, выключая воду. – Я не могу больше. Я так долго об этом мечтал, что больше не могу. Идем.

Он не позволил мне вытереться, потащил за собой. Уронил на кровать и сам мягко опустился рядом. Окинул взглядом обнаженное тело – моё – гордо светилось у него в глазах – моё, не отдам, ни кому не отдам. Я поцеловала его руку, носом уткнулась в ладонь – твое, только твое. Тиль гладил меня по мокрым волосам, убирая с лица прядки. Водил пальчиком по губам, по прикрытым векам. Потом по контуру лица, за ушком, как будто ласкал котенка. Я расслабилась, прислушиваясь к своим ощущениям. Это что-то невероятное. Каждое его прикосновение проходит искорками сквозь тело, кажется, достаточно мысли, что он рядом, чтобы по-

лучить максимум наслаждения. Просто мысли... Пальчики круговыми движениями спустились на шею. Я тихо застонала, облизала пересохшие губы. Поросенок, сам получил удовольствие, теперь издевается... Дыхание коснулось соска. Мое тело покрылось мурашками. Язык заиграл, защекотал. Рука в самом низу, аккуратно трогает губки, изучает. Я чуть раздвинула ноги. Специально ничего не делаю, даю возможность вспомнить то, что показывала летом. Чувствую, никого у него не было – движения все такие же порывистые, несмелые, грубоватые, как будто теоретические знания уже есть (представила, как Дэн подсовывал ему скабрезную литературу, улыбнулась), а вот с применением пока не особо. Мне не очень нравилось, как он начал ласкать внизу. Я бы даже сказала, совсем не нравилось – все было возбуждено и очень чувствительно, а он нажимал сильно и резко, неустанно продолжая меня при этом целовать. Вот целовался он не в пример лучше. Надо как-то ему сказать и показать. Но пока я собиралась и подбирала слова, Тиль сунул в меня палец. От неожиданности я выгнулась и застонала, насаживаясь сильнее. Он довольно улыбнулся. Пара движений и я сама оказалась на грани.

– Тииль... ааааа... Что ты... делаешь?... Хочу тебя...

Вдруг Тиль... остановился. Нахмурился, пытаюсь что-то вспомнить. А потом подскочил с воплем:

– Дэн!

– Что? – перепугано поднялась я.

– Забыл ему позвонить!

Я чертыхнулась и расстроено заскулила... Вот надо было об этом вспомнить в такой момент!

– Где телефон? Ты не видела мою мобилку? – заметался по номеру.

Словно услышав хозяина, трубка отозвалась откуда-то из кресла из кучи белья.

– Да? Алло? Дэн? Мама? Мам, прости, я свинья! Я знаю... Да, я обещал сразу же позвонить... Ну так вышло... Нет, со мной все в порядке... Нет, я нормально долетел... Что с моим голосом?... Нет, мам, реально все хорошо... Откуда я знаю, в какой гостинице! Здесь шикарный вид из окна!.. Нет, меня куда привезли, там я и остановился... – Тиль лег рядом и страдальчески закатил глаза.

– Скажи, что это отель «Вайб» на улице Альфреда, 88. Номер 1205. Если надо, то я поищу телефон ресепшен, чтобы мама могла связаться с тобой в любой момент.

– Вот, мам, слышала? Записала? – он благодарно потрепал меня по голове. – Отель «Вайб». Нет, не так. По буквам V, I, B, E. Улица Альфреда, дом 88, номер 1205. Нет, мам, тут все цивилизованно... Нет, кенгуру по улицам не скачут... Ох, мама, я не буду купаться в озерах с крокодилами. Я вообще никуда не планирую вылезать из номера... Мам, меня тут никто не знает... Ну о чем ты говоришь? Какие поклонницы? Ма-ма!.. Сидней огромный город! Тут тоже живут люди... Хорошо, давай Дэна. Да, мам, я обязательно тебе по-

звоню завтра утром... Хорошо... Да... Обязательно... Я буду себя беречь... Не выйду из отеля... Да... Хорошо... Целую тебя... Я тебя тоже... Мам... Да, Дэн, привет! Мне уже сообщили, что я свинья, и вы волновались...

Теперь глаза страдальчески закатила я. В голову пришла дерзкая мыслишка. Приподнялась на локтях, разглядывая вытянувшееся тело. Хе-хе, а ведь это идея... Конечно жаль, что рот занят и он не сможет целоваться, зато все остальное свободно. Болтай, болтай, дорогой. Я на тебя сейчас посмотрю.

Перекинула через него ногу и уселась на живот. Тиль удивленно уставился на меня, даже не догадываясь о подломе подвохе.

– Ага... А ты что конкретно хочешь? В каком виде? – продолжал чирикать с братом, как ни в чем не бывало, мило улыбаясь мне.

Я склонилась над ним, невесомо поцеловала в шею, лизнула свободное ухо, слегка прикусила мочку. Тиль фыркнул и потерялся щекой о мою щеку.

– Нет, я тебя слушаю, Дэн. Что ты говорил? Плохо слышно...

На самом деле слышно отлично. Даже я улавливала какие-то слова Дэна. Он что-то просил прослушать. Наверное, новую мелодию. Просто Тиллю сейчас явно не до Дэна и его музыкальных экспериментов.

Язык скользит по шее, кадыку, ключице. Прикусываю ко-

жу. Одновременно его груди касаются мои соски – легко, невесомо.

– Я понял, Дэн... Только ты уверен, что так будет лучше? – Тиль сильно напряжен. Он старается держать голос и одновременно неотрывно следит за моими передвижениями по своему телу. – А если сделать по-другому...

Выгибаюсь кошкой. Живот к животу. Член упирается мне в лобок. С гадкой ухмылочкой нагло трусь об него.

– Аахаа... – выдыхает он на ухо брату. – Дьявол! Дэн, да-ваааай... Дээээнни... Я пререзвонюааа...

Дэнни – такое сексуальное имя, мягкое, тягучее, как горячий шоколад.

Падаю на Тиля и отбираю трубку:

– Привеет, Дэээнни, – тяну, словно облизываю ложечку. Возвращаю мобилку ошалевшему от моих выходов Шенку-младшему.

Теперь Дэн не отпустит его. Скорее всего, он догадался обо всем еще несколько минут назад, но сейчас он просто не сможет пропустить такое и будет всячески удерживать Тиля на проводе.

– Фехнер меня уже искал? – испуганно бормочет Тиль, забывая про меня. Ах ты...

Сажусь без предупреждения и начинаю плавно двигаться.

– Слушай, давай попозжеаааа... Ой... Дэн... К черту Дэвида! Ай... Боже... Да это не я. То есть я, но аааа...

Помню, что ты любишь немного агрессии в движениях,

глубокое проникновение. Увеличиваю темп, добавляю резкости.

– И как ты меня отма... аа... заа... ааал? Мой бог... Ааа-хааа... Да я не скулю! Это ааа...

Жестко трахаю тебя. Так, что ты начинаешь теряться в пространстве. Одной рукой безвольно упираешься в спинку кровати, об которую ударяется голова. Вторая все еще пытается не уронить трубку. Что-то бормочешь...

– Дээ... эн... ни... ааа... яааа... перезвоаааа... нюууу...

Дотрагиваюсь до мошонки, чуть царапаю... И ты с хрипом кончаешь...

Рука падает вместе с мобилкой, из которой кто-то с приторным беспокойством зовет тебя. Щуришься на меня, счастливо улыбаешься, позабыв про брата, не в силах шевелиться от удовольствия. Целую тебя в нос и поднимаю телефон.

– Дээнни, – сладко воркую. – Какая же ты сука.

– Если Тиля выгонят из группы, то ему один путь – на большой экран... в порно... – захлебывается от смеха старший брат.

– Маленький извращенец, – шепчу ласково.

Дэн громко и заливисто ржет.

– Тиль перезвонит тебе минут через десять, хорошо?

– Нет, не надо, хватит с меня на сегодня. Передай ему, чтоб он почту проверил. И это... вы там поосторожнее...

Улыбнулась:

– Мамочка, я помню о контрацепции.

– Да причем тут контрацепция? – возмущается он. – У меня на душе как-то беспокойно. Переживаю я, в общем. Вот. Поняла?

– Поняла.

– Всё, пока.

Короткие гудки.

Опускаюсь рядом с Тилем, обнимаю его и кончиком языка касаюсь мокрой шеи. Он хихикает, зажимается. Смешной такой. И очень красивый.

– Скажи, вот вы с Дэном близнецы, а вы чувствуете, когда кто-то из вас трахается?

– Лично я – нет. Я чувствую, когда Дэну плохо, если он устал, подавлен, расстроен, волнуется, – на полном серьезе ответил Тиль. – Очень тяжело наши ссоры переживаю. И он тоже. Но вот секс... Скорее нет, чем да.

Щелкаю у него перед носом пальцами:

– Тиль, расслабься... Ты не на интервью.

Губы касаются плеча. Хочу всего его зацеловать. Но так лениво... Мы молча лежим, обнявшись. Иногда кто-то кого-то целует, чуть крепче прижимается, трется носом или щекой. Тиль блаженно улыбается своим мыслям. Лукаво поглядывает на меня. Ресницы пушистые, выгоревшие кончики подрагивают (видно, что он устал и вот-вот уснет – «протяжно» моргает). Идеально ровный аккуратный нос. Нижняя губа чуть толще верхней. Странно, на фотографиях они

выглядят пухлыми, сексуальными, а на самом деле обычные губы. Мягкие и на вкус сладкие. При ближайшем рассмотрении, Тиль вообще не кажется настолько совершенным, как на фотографиях, я постоянно нахожу какие-то изъяны во внешности. Но именно это и придает ему шарм, делает очаровательным. Я люблю в нем абсолютно всё: и несуразной формы ушки почти с отсутствующей мочкой, и слишком густые брови, и тонкие руки с изящными кистями, и угловатые движения, и вредный характер, и временами удивительно противный голос. Но это обретенное три недели назад счастье я не променяю ни на какое сокровище мира. И не отдам никому. Он стал моим миром. Моей звездочкой. Моим солнцем, без которого я не выживу. Я счастлива! Боже мой, как же я счастлива.

– А давай завтра устроим день шоппинга! Накупим всего-всего! На что глаз упадет, то и купим! – неожиданно предложил он.

– Ты разбогател? – с сарказмом. Душу приятно греет слово «мы».

– Ну, есть немного.

– Давай завтра и решим, чем заняться. А сегодня очень кушать хочется. Я с утра на пяти чашках кофе живу.

– Закажем ужин в номер?

– Прогуляемся?

– Идеи?

– Национальная кухня в квартале отсюда?

– Жареный кенгуру? Фе...

– Европейская кухня в отеле? Кстати, с шикарным видом на парк.

– Ну, звучит приятнее.

– Макдональдс?

– Да! Да! Хочу!

– Одевайся.

Он потянулся, словно наевшийся кот, и рывком поднялся с постели. Ничуть не стесняясь, голышом пошлепал к сумке.

Тиль был настолько голоден, что собрался на удивление быстро, минут за десять. Ему даже пришлось ждать меня – не могу же я идти не накрашенная.

Я закрывала дверь, когда мой мобильник противно завибрировал. Шеф... Он же крестный. Он же близкий друг моего отца. Он же просто Петрович. Сунула ключ Тиллю – закрой сам.

– Машка, привет! Как ты, дочка? – веселый голос Валентина Петровича не мог не радовать.

– Дядя Валя, я отлично! Как вы?

Лифт словно специально ждал, когда Тиль нажмет кнопку вызова. Бесшумно распахнул двери.

– Мы хорошо. Скучаем. Вот, все тебе привет передают.

– Спасибо!

Тиль вопросительно посмотрел на меня – он-то по-русски ни слова не понимал. Я, закрыв трубку рукой, пояснила:

– Это с работы. Мой начальник.

Он сделал вид, что не подслушивает, разглядывает свое отражение в зеркале лифта.

– Скажи, он уже прилетел?

– Да. Сегодня днем. Я так счастлива, дядя Валя! Я безумно счастлива! – прижалась к Тиллю и поцеловала его. Он улыбнулся, обнял в ответ.

– Как я рад за тебя, девочка. Вы отличная пара. Вы просто прекрасная пара.

– Я знаю. И потому очень счастлива! Хочу кричать об этом на весь мир!

– Наконец-то наша Маша улыбается. Маша, а ведь я тебе по делу звоню, как ты понимаешь. По очень важному делу. Тебе уже все рассказали?

– Нет, – удивленно затрясла я головой. Черт, кажется, накрылся завтра его шопинг медным тазом, по крайней мере для меня. Чует сердце, сейчас опять пошлют в какую-нибудь клоаку освещать какую-нибудь зловонную проблему.

– Надо материал сделать про экстремальный туризм – это модно сейчас. В Москве с турфирмами пообщаешься. А вот там, в Австралии, наши коллеги организуют тебе поездку в племя каких-то аборигенов. Проводника дадут, транспорт, в общем, скатайтесь, посмотрите на их быт, чем живут, чем дышат. Ну и приплети все это к экстремальному туризму. Фотографий побольше нащелкай. Не мне тебя учить. Все поняла?

Ну, так и есть... Елки...

– Дядя Валя... – захныкала я в трубку. – Помилосердствуйте, батенька...

– Ничего-ничего, совместишь приятное с полезным. Наверное, на Конгрессе совсем стухла?

Кивнула и нахмурилась... Блин, как Тиллю-то сказать про аборигенов?

– Все, бывай, моя хорошая! Рад был тебя услышать. Целую.

– Пока. Я тоже...

Сбросила звонок. Что же делать? Ну почему все вечно через одно место?

– Что-то случилось? – спросил Тиль, заметив мой расстроенный вид.

– Я завтра работаю.

– О, нет! – простонал он. – Я так ждал эти выходные...

– Я даже не знаю, что тебе сказать... Слушай, ты можешь поехать со мной и познакомиться с бытом аборигенов. Будем считать, что это экскурсия. А можешь остаться в отеле и отоспаться. Я после обеда или вечером вернусь, ты и не заметишь. Но если ты сейчас скажешь нет, то я никуда не поеду и завтра мы проведем так, как ты хочешь.

Он раздумывал, покусывая губу. Я смотрела на нее, смотрела, а потом не выдержала и чмокнула. Сколько же в нем секса. Хочется съесть мальчишку!

– Это важно для тебя? – спросил он грустно.

– Это моя работа, – развела я руками.

– Значит, мы поедem на экскурсию, – улыбнулся Тиль. – К тому же я ни разу не видел живых аборигенов. Будет, что рассказать Дэну.

Я обняла его за талию и с удовольствием прижалась щекой к груди. Господи, как же мне хорошо!

В Макдональдсе он скупил, кажется, все меню. Я наблюдала, с каким удовольствием Тиль делает заказ, просто тыкая пальцем в знакомые слова, и светится от счастья. В Европе эту жуткую пищу он может есть исключительно в номере или гримерке. А тут сам себе покупает. И тут же будет есть. Как все. Как простой человек. Как обычный смертный. Вот она настоящая свобода – быть самим собой и не опасаться ни истеричных девочек, ни вспышек фотокамер! Есть руками, не боясь измазаться, так, как хочется, с выпадающим из булки салатом и капающим на поднос и футболку соусом. Мы ели и смеялись. Целовались. Много целовались. Мусорили. Баловались. Дурачились. Булькали кока-колой. Тиль неприлично чавкал, громко ржал и иногда кидал в меня кусочками салата и картофелем-фри. Я отвечала ему тем же. На нас уже начали коситься. Но нам было все равно. Главное, что весело.

– Мари, только резко не оборачивайся, – произнес он тихо и загадочно, глядя мне через плечо. – Мне кажется, что за нами наблюдают.

– Уверен? Думаешь, твоя слава и до Сиднея добралась? – хихикнула я.

– Мужик? – скривившись, протянул Тиль. – Не та целевая

аудитория. Он за нами уже минут пятнадцать наблюдает. Я постоянно ловлю его взгляды.

Я громко загоготала. Нет, Тиль был без косметики. Но длинные черные волосы с белыми «перьями», которые он просто взбил руками перед выходом, женственные манеры и мягкие черты лица... Черт, к нам пристал маньяк-педофил!

– О, дьявол! Он идет к нам! С шикарным букет алых роз!

Я оглянулась. И... земля ушла из-под ног! Почувствовала, как кровь моментом отхлынула от лица, в груди похолодело и свело все судорогой. Резко и шумно вскочила. Стул с грохотом проехался по полу и отлетел в сторону. Я шарахнулась от нашего стола, как нечисть от священных мощей. В голове взорвались и разом исчезли все мысли. Осталось всего три слова. Три матерных слова. Но даже их я не смогла бы сейчас произнести – скулы окаменели, лишь зубы громко стучат.

Глава 2

– Машка! Машка! Как я по тебе соскучился! Сто лет тебя не видел! Машка! Любовь моя!

Родриго, небрежно швырнув огромный букет на стол, подлетел ко мне, обхватил за талию и принялся кружить.

Три матерных слова...

Он потянулся, чтобы поцеловать, но я резко дернула головой, и Родриго промахнулся, попав губами куда-то в висок.

Тиль! Мат! Много мата! Тиль! Тиль!

– Отпусти меня! – взвизгнула я на русском срывающимся фальцетом. И отчаянно задергалась в его крепких руках. Не тут-то было! Родриго, лишь посильнее сжал объятия и наконец-то достал мой рот, ворвался туда языком, засосал губы.

Мат! Мат! Тиль! Мат! Мат! Очень много мата!

Я глупо замычала...

Тиль!

...и не придумала ничего лучше, чем укусить его за язык.

Родриго вскрикнул и ослабил хватку.

– Да ты охренел?! – возмущенно сорвалась в крик, чувствуя, что еще немного и вцеплюсь в его рожу когтями. Если освобожусь. – Какого хрена ты засасываешь меня при моем молодом человеке?! Руки убери... – Голос сиплый, последние слова я громко прошипела.

Гнев сейчас взорвет изнутри.

Я зло его отпихнула и растерянно уставилась на серого, как холст, Тиля – глаза огромные, рот приоткрыт, лицо такое, будто его ударили ни за что.

– Кто это? – Голос звенел, словно перетянутая струна, вот-вот лопнет. И я поняла, что поползу за ним на коленях до самой Германии, лишь бы умолить не уходить.

Рада бы ответить, да не могу – язык не слушается. В голове всего три слова. Три матерных слова. У меня натуральный столбняк с полной парализацией всего организма и мозговой деятельности в частности. Стою между ними и ничего с собой не могу поделать – ни с места сдвинуться, ни слово произнести, лишь с ужасом смотрю на Тилья. Тело начинает бить мелкая дрожь.

– Милая моя девочка. – Родриго сделал шаг ко мне и приобнял за плечи. – Ну же познакомь меня со своей... своим... с этим... эээ... С этим милым созданием!

Услышала тщательно скрытую издевку в интонациях. Родриго говорил по-русски. Голос – сладчайший мед. Тиль видел, что он давно наблюдал. Значит, не заметить наши отношения не мог. Следовательно... Черт! Откуда он свалился на мою голову!

Скинула его руку.

Мозг вообще не работает. Лишь к трем матерным словам добавилась одна идиотская мысль, стучащая в висках великим колоколом, – что делать?

– Кто это? – прозвучало одновременно глумливо по-русски и ошарашено по-немецки.

– Это мой бывший парень. Я рассказывала... – выдавила по-немецки, не сводя с Тиля глаз. Голос едва слышен, дрожит, местами вообще пропадает или срывается в какой-то писк. – Клянусь, я понятия не имею, что он тут делает.

– А он в курсе, что он бывший? – Струна с жалобным визгом лопнула, больно поранив мою душу.

Торопливо кивнула. Потом еще раз и еще. Дерьмо какое! Я просто сейчас рухну перед ним на колени и вцеплюсь в ноги.

– Да, – с шумом выдохнула. Господи, только поверь мне! Только поверь! Жизнь за тебя отдам! Только поверь!

– Ефремова, ты, блин, меня представишь своему... – Вижу, что Родриго едва сдерживается, чтобы не захохотать. Внимательно рассматривает парня. – Он только по-немецки понимает? Do you speak english, детка? – Сел перед ним на стул и облокотился на стол, сильно поддавшись вперед к отпрянувшему Тиле. – Ты, мать, как я погляжу, педофилией страдаешь. Ему хотя бы пятнадцать исполнилось? Ты паспорт проверяла?

Он говорил очень нежно и ласково. Идеальный вариант замаскировать грубость перед человеком, который не знает языка.

Я вспыхнула и презрительно поморщилась. Гнев рвется наружу, но я не позволила ему взять верх. Зашла Тиле за

спину. Положила руки на плечи. Пальцы сами собой пробежались по шее, по скулам. Нежно его поцеловала в щеку и гордо сказала по-английски (твою мать, хочешь знать, кто это, – узнаешь!):

– Родриго, познакомься, это мой... – запнулась. Бойфренд звучит пошло. Как? – Это мой любимый мужчина.

– Твой любовник? – уточнил Родриго по-русски.

– Нет, – упрямо отозвалась по-английски. – Это мой любимый молодой человек. Это мой мужчина. Которого я люблю. Его зовут Тиль. Прошу тебя не хамить ему и относиться с уважением.

Губы Родриго скривились в усмешке. Я гладила Тиль по плечам, одновременно успокаивая себя, что, если ему сейчас придет в голову сорваться с места и сбежать, я не позволю. Вновь нежно поцеловала в щеку – надо расставить приоритеты с самого начала. Тиль никак не реагировал на все мои действия, застыл. Только я лица его не вижу. Не знаю, что с ним происходит.

– Тиль, это Родриго. Мой хороший друг и бывший любовник. Я тебе рассказывала про него в Москве, помнишь? – тоже по-английски, теперь чтобы понял Родриго.

– Значит я любовник, а он любимый? – улыбается сеньор Гарсия-Пуговкин, ласково уставившись на меня. – Вот этот вот?

– Родриго, уважай мой выбор, – отвечаю твердо на английском. Хочу, чтобы они оба понимали, о чем я говорю.

Неожиданно Родриго вскочил. Несчастный стул в очередной раз с грохотом отлетел в сторону. Я не заметила, как от страха впилась ногтями в плечи Тиля. Его рука мягко накрыла мою, аккуратно разжал пальцы. Он легко коснулся губами запястья. От сердца отлегло. По крайней мере, если бы он сейчас мечтал послать меня далеко и надолго, то не стал бы целовать руку.

– Уважать твой выбор?! – орет Родриго по-английски. – Уважать?! Я хорошо помню, как ты простонала его имя в постели! А еще я хорошо помню, как мне звонил твой крестный и просил привести тебя в чувства, потому что ты невменяемая из-за какого-то козла! И я отлично помню, что возился с тобой полтора месяца, пытаюсь хоть как-то вывести из депрессии! Все развлечения были к твоим услугам! Лучший ресторан? Пожалуйста, Маша! Хороший секс? Пожалуйста, Маша! Хочешь дорогую цацку? Ни вопрос, Маша! А какие ты истерики закатывала?! И из-за кого? Из-за какого-то сопляка?! Вот из-за этого ублюдка ты полезла щеко-тать себе нервы в гетто? Вот из-за него ты едва не погибла в Венесуэле? Это из-за него ты чуть не сдохла в горячке в Москве, когда тебя еле откачали?! Ефремова! Ты сумасшедшая! – В запале переходит на русский: – Я-то думал, там мужик, настоящий, здоровый! Вот с таким хреном! А что я вижу? Вот это ты называешь мужчиной? У этой инфантильной телки член-то есть? Или вы искусственным пользуетесь? Ради кого все это? Ради вот этого чмошника, который даже на

мужчину не похож?!

Я счастливо улыбнулась, прижавшись животом к плечам Тиля. Потрепала его волосы. И, довольная, сморщила носик, чмокая в макушку.

– Да, Родриго, это все ради него.

– Ты спятила? – искренне недоумевал он.

– Да, я спятила.

– Машка...

– Родя... Я люблю его.

Тиль отодвинул поднос с мусором и поднялся. Я напряглась. На всякий случай засунула палец в шлевку на его джинсах, чтобы хоть как-то удержать. Оказалось, что они одного роста. Только Родриго, двадцати восемью лет от роду, активно занимающийся самбо, дзюдо и бодибилдингом, гораздо шире в плечах. И Тиль, восемнадцати лет от роду, ничем не занимающийся, кроме пения и танцев, рядом с ним смотрелся мелко и как-то хрупко.

– Мария мне рассказывала о вас. Приятно было познакомиться лично, – выдал он на английском. Потом обнял меня и поцеловал в шею. – Извините, у нас планы на вечер.

– Сядь, мальчик, – процедил Родриго. – У меня тоже были планы на вечер. И ты в мои планы ну никак не входил. Ефремова, ты про работу не забывай. У нас завтра мероприятие. Мне плевать, как ты от этого идиота будешь избавляться, но завтра в четыре утра я жду тебя в отеле у ресепшен. Мы едем в буш на праздник рождения новой луны. Тебе должен был

позвонить Петрович и все рассказать про экстремальный туризм.

– Стой, так это ты организуешь эту поездку?

– Ну да. И завтра мы едем в буш.

– Когда ты прилетел?

– Сегодня в три часа дня.

До меня дошло, про кого говорил крестный... Я же не рассказывала никому про Тиля, кроме подружки Полинки, которая и втравила меня в эту авантюру с немецкой группой. И с какого перепугу я решила, что Петрович расспрашивал меня про Тиля? Идиотка! Как я сразу не догадалась...

– В каком отеле ты остановился?

– В том же, где и ты. Только на десятом этаже. Номер 1011.

– Ладно, я поняла. Извини, Родриго, у нас на самом деле с Тилем дела. Увидимся.

И я дернула Тиля к выходу.

Мы молча возвращались в отель. Тиль впереди, я за ним. Неловкость во всем. В том, как он медленно бредет по улице, почти не смотря по сторонам и не улыбаясь. В том, как я молчу – мне есть, что ему сказать, но как-то не хочется начинать первой. В голове проносятся тысячи мыслей. Я уже знаю, что и как объясню. Если спросит. Он не спрашивает. Молчит. Под ногами землетрясение. Мой мир пошатнулся. Все труднее и труднее удерживать равновесие. Главное, не паниковать! Что мы имеем? Родриго, который свалился как снег на голову в Сахаре в разгар лета. Ну, бывают и такие

катаклизмы. Конечно же, теперь ни о какой поездке и речи быть не может. Это даже не обсуждается. Я не сведу их вместе с Тилем. И дело не в том, что я не уверена в себе и боюсь, что Родька вернет меня, завоюет заново. Дело в том, что, если Родриго втемяшилось в голову, что меня надо вернуть, он сделает все, чтобы разрушить наши с Тилем отношения. Отношения, которыми я дорожу, которые начали только-только налаживаться, которые мы только начали строить. Я неожиданно поняла, что безумно боюсь его потерять. Когда чувства еще не сформировались, когда было еще не понятно что и как, было не так страшно за него, за себя, за нас. А теперь... Я стала зависимой от него, от его мнения, от его слов. Если он уйдет, мой мир разрушится. Я не хочу, чтобы он рушился! Тиль надо удержать. Он ревнивый и вспыльчивый. Он не простит мне измены, а я не смогу доказать, что никакой измены не было, что я целиком и полностью принадлежу ему. Он верил мне раньше... Сейчас Родриго сделает все, чтобы доказать ему обратное. И если Тиль поверит Родриго, а не мне... Нет, я не могу поехать в буш, зная, что Родриго будет постоянно провоцировать конфликт. Я никуда не поеду.

В номере Тиль уселся в кресло с ногами, сжался в комок и обхватил голову руками. Я хотела погладить его по спине, но рука так и замерла в миллиметре. Не решилась...

Черт, надо что-то делать! Что?

Родриго наговорил много лишнего и ненужного. Но, сам того не зная, ляпнул и еще много того, что было полезным

для ушей Тиля. Главное, он подтвердил, что даже с ним я постоянно думала о Тиле. Другое дело, сам Тиль плохо понимает английский, и не факт, что пламенное выступление Родриго дошло до его сознания в полном объеме и с неискаженным смыслом. Не могла же я, право слово, синхронным переводом опять заниматься...

Что же делать?

Ладно, начнем оправдываться первыми.

– Тиль, я... – и заткнулась. Не получается у меня сегодня говорить – скулы сводит.

Тиль резко встал и вышел из номера.

– Всё, – пробормотала я, когда за ним закрылась дверь. И не литературно выругалась матом.

Глава 3

Я тупо стояла посреди комнаты с каменным лицом, прокручивая в голове возможные варианты развития событий. «Если он уйдет – это навсегда, так что просто не дай ему уйти» – явственно стучало в висках. Так, Машка, думай, голова – два уха. Во-первых, Тиля сейчас трогать нельзя – он злой. Пусть отойдет, там будем действовать по обстоятельствам. Во-вторых, надо понять, каким образом Родриго оказался в Макдональдсе. Это было бы последнее место, где искали бы знающие меня люди, – я не питаюсь в Макдональдсе вообще, даже с большой голодухи. Его могли послать с ресепшен. Или он за нами следил от отеля? Он прилетел на час раньше Тиля. Он мог увидеть, как мы регистрируемся. Черт! Надо будет выяснить. Неспроста этот букет роз! Он мне цветы в жизни не дарил! В-третьих, когда мы последний раз с ним общались? Как раз три недели назад. Родриго сделал мне предложение по электронке. Я ответила смской, что не готова к такому серьезному шагу и дружба меня вполне устраивают, впрочем, как и страна проживания. Поэтому предположение Тиля о ничего не подозревающем о разорванных отношениях Родриго, более, чем разумно. Но, простите, Родриго взрослый, умный мужчина, он должен был понять, что его культурно и вежливо послали! А если он это

понял, то появился здесь не просто так. Вариантов два – либо переехать в другой отель, либо тщательно избегать контакта с ним в ближайшие дни. Иначе отношениям с Тилем наступит конец. Если уже не наступил. Я не прощу этого Родриго.

Набрала номер его комнаты. Он взял трубку сразу же, словно ждал.

– Родя, это я. Хочу сказать, что мы не поедем завтра никуда. Я плохо себя чувствую, очень устала и хочу эти два дня отдохнуть перед перелетом. Я три недели пахала, как проклятая, имею право на отдых. Если у вас с Петровичем будут ко мне какие-то претензии, то вычтите эти дни из зарплаты. Я устала и хочу отдохнуть.

Он усмехнулся мне в ухо.

– И еще, ты можешь разрушить наши отношения с Тилем. Но так ты наживешь себе врага в моем лице. Подумай над этим.

– Завтра в четыре у ресепшен. И, будь любезна, не опаздывать.

И повесил трубку.

А вот хрен тебе!

Прошло два часа. Я уже знала, что Тиль телефон не взял. Деньги тоже. Документы валяются на постели. Значит, либо он где-то бродит по улицам, что вряд ли, учитывая его нелюбовь к пешим прогулкам, либо находится где-то поблизости. Я старалась прислушаться к себе и понять, что с ним. Результат нулевой. В Москве получалось. В Венесуэле получа-

лось, как потом выяснилось. А в Сиднее ни фи́га. На столике рядом стояло пять рюмок из-под коньяка и четыре чашки из-под кофе. Главное, не паниковать и не истерить. Время – двенадцать ночи. Жду еще полчаса и звоню в полицию.

Нет! Если он хочет побыть один, то не надо поднимать шум. Он взрослый. Справится с эмоциями и вернется. Все равно без документов он никуда не денется. Главное, чтобы с ним ничего не случилось в чужом городе...

Решительно разделась и забралась под одеяло. Нагуляется – вернется. Он взрослый. Я не должна за ним бегать. Не должна. Вернется. А если с ним что-то случилось? Если он опять влип в какую-нибудь историю? Тоже мне, нашлась ясновидящая! Надо звонить в полицию! Нет, еще десять минут... Осталось десять минут до половины первого.

Мне казалось, что после лошадиной дозы кофе, я не буду спать несколько дней, но коньяк оказался сильнее – вырубилась, едва голова коснулась подушки, провалилась в пустоту. А проснулась от того, что в номере кто-то бубнил. Сознание включилось моментально – дверь не заперта, мог войти чужой. Замерла. Прислушалась. Нельзя показывать, что голос меня разбудил. Но надо быть готовой к тому, что придется громко орать и защищаться. О! Какой забористый мат. Конечно, не русский аналог, но... Кто-то наткнулся в темноте на что-то, судя по всему, навернулся и заматерился чуть громче. Тиль, – расплылась я в довольной улыбке. – Моя радость вернулась.

Он что-то бормотал про game over, грозился кому-то показать Кузькину мать и разве что туфлей не стучал в гневе по столу. Причем фраза «game over» его особенно возмущала. Он повторял ее раз за разом, сопровождая заковыристым матом. А я никак не могла разобрать, что ж он прицепился к этим несчастным словам. Тиль очень аккуратно пробрался под одеяло и прижался ко мне всем телом, холодный, как лягушка.

– Game over... я ему покажу... game over! ... я ему такую game вместе с over покажу, что... – пробубнил он мне в затылок и поцеловал.

Даже мой не слишком дышащий после десятиминутной истерики перед сном нос уловил кошмарный запах алкоголя и сигарет. Сигарилл... Черт! Capitan Black Little Cigars Original! Тиль насквозь пропах табаком Родриго... и какими-то тошнотворными духами. К немецкому мату добавился русский в моем исполнении. Черт побери! Это что такое? Это кто? Откуда? Где он был? Родриго! Что Тиль делал у Родриго и почему от него воняет женскими духами? Женскими духами? Я его тут жду, изнервничалась вся, извелась, а он где-то шляется! С бабами! С другими бабами! Посильнее стиснула зубы. Не спрашивай сейчас ни о чем! Только не спрашивай. Пусть мучается, что мне не интересно, где он шлялся до двух ночи. Пусть мучается. Мне не интересно. Вообще не интересно. Где был, что делал – не важно. Но, если Тиль был у Родриго, то тот мог наговорить ему всякой

гадости про меня, лишь бы поссорить, развести. Но ни черта у Родриго не выйдет! Я ядовито усмехнулась.

Аккуратно развернулась к нему лицом. Обняла, уткнувшись носом в грудь. Он тут же сгреб меня в охапку и положил ногу на бедро, хмыкнул своим злым мыслям и поцеловал в макушку. Начал гладить по спине, приговаривая сладко:

– Спи, спи... Еще рано... Спи... Нет, урод... Game over! Ха! Черта с два!

Было уютно и хорошо вот так лежать в его объятиях, слушать голос и... Ой, нет, не будем про запах... Усмехнулась. Остается выпросить, о чем они говорили. Ох, я пришибу эту полукровку, если он натрепал про меня что-то лишнее.

Рука сама собой ползет по его спине. Подушечки пальчиков едва касаются кожи. Ряд позвонков. Чуть выступающие лопатки. Поясница. Ямочки на крестце – я их обожаю. Выдыхаю томно на грудь. Поднимаю к нему глаза. Темно. Ничего не видно вообще. Какие хорошие гардины. И как не вовремя. Он тоже нечего не видит. Тыкается ко мне лицом. Губы находят губы. Гнусный Capitan Black... Он курил эту гадость. И, кажется, пил текилу. Языки ласкаются. Настоячиво, нежно, страстно. Его вкус – мой вкус. Он гладит меня, просто гладит. Везде, где достает свободная рука. На второй приютилась моя голова. Гладит так, что хочется умереть от неги, раствориться в ней. Он оберегает меня сейчас от всего, от всех, от любого зла мира. Чувствую это. Осязаю это.

Осознаю. Тону в его нежности. Ловлю каждый момент, чтобы запомнить навсегда, чтобы думать об этом, когда мы расстанемся послезавтра, расстанемся всего на несколько дней. Что меня ждет с ним? Редкие встречи украдкой. Осторожность во всем. Пристальное внимание чужих людей. Агрессия поклонниц. Хочу запомнить сейчас его руки. Хочу помнить вкус этих губ. Хочу видеть эти глаза. Он целует мою шею. Невесомо касается языком за ухом. Легкий стон ему в плечо. Маленькие поцелуи век, бровей, кончика носа. Губы жадно ловят его. И, найдя, опять ласкаются. Он как волны в море – такой же сильный и нежный. Он как солнечный луч – такой же теплый и ласковый. Он как ветер – такой же невесомый и трепетный. Наверное, никогда в жизни меня так не любили. Всё, что хранилось в нем, всё, на что он был способен, всё-всё сейчас принадлежало мне. Весь его мир. Все его чувства. Вся его любовь сейчас принадлежала только мне. У нас на одних целая Вселенная. Огромная. Звездная. Яркая. Только наша. У нас на двоих одно дыхание, одно сердце, одна душа. Сегодня не было агрессии, когда зубы сводит от удовольствия на шее партнера, когда перестаешь себя контролировать и дерешь кожу в экстазе, сегодня было море любви и нежности, огромная вселенная тепла и ласки. Он двигался очень аккуратно и целовал, целовал, целовал. В тишине, в темноте, без глупых, никому не нужных слов. И я в какой-то момент поняла, что мне ничего не надо в этом мире, лишь бы слышать, как бьется его сердце, лишь бы ви-

деть его глаза, лишь бы ощущать его руки. Мы кончили одновременно, так же тихо, как занимались любовью, с легким стоном, с закрытыми глазами, на какой-то грани сознания. Он любит меня. Он со мной. Он рядом. Его губы собирают капельки пота с моей шеи. Переплетенье наших рук. Переплетение наших ног. Пальцы сжимают пальцы. Прижимаюсь к его животу спиной. Обнимаю руку, на которой лежит моя голова. Целую каждый пальчик в благодарность. Мне безумно хорошо. Трюсь затылком о его грудь и проваливаюсь в разноцветные облака самого счастливого сна на свете.

Я не сразу поняла, что это стучало – боль в висках от запаха или что-то другое. Вокруг творилось что-то ужасное: мобилки, сменяя друг дружку, противно трезвонили, телефон на ночном столике у кровати разрывался, в дверь кто-то колотил так, что казалось ее сейчас сорвет с петель. И при этом дикая головная боль простреливала из затылка через висок в глаз. Я села на кровати и по глупости тряхнула головой. Взвыла... Кажется, это мигрень. Чертовы сладкие духи и Capitan Black! Дурацкий коньяк! Как же мне плохо и хочется пить... Схватила с кресла покрывало, замоталась в него и поплелась открывать.

– Я так и знал! Время полчетвертого, а ты еще спишь? – рывкнул свеженький как раннее утро Родриго.

Пригладила стоящие дыбом волосы и постаралась разлепить глаза. Безрезультатно.

– Чего ты хочешь? – проямлила я, совершенно непри-

лично зевая. Упаду и умру прямо здесь. Спать... Как же я хочу спать...

– У тебя есть полчаса на сборы. Живо! Шевели булками!

– Я тебе вчера сказала всё. Давай, Родриго, иди уже отсюда. У меня выходной. Иди к черту.

Родриго грубо схватил меня за плечо и потащил в ванную. Включил душ и окатил ледяной водой.

– Просыпайся, чудовище! Просыпайся! Машина ждет уже.

Я взвизгнула. Сон улетучился. Он пихнул меня обратно в комнату. Набрал воды в какую-то емкость, я так и не поняла, что это и для чего, подлетел к кровати, сдернул с Тиля одеяло и облил. Подозреваю, что тоже холодной водой. Тиль выругался, и спрятал голову под подушкой, стараясь натянуть одеяло на тело. Но разве Родриго утомонится? Он скинул одеяло на пол, а Тилью со всей дури шлепнул по голой заднице так, что остался красный след от пятерни:

– Вставай, я тебе говорю! – по-русски.

Тиль приподнялся на локтях и зло зашипел:

– Можно я трусы надену?! Выйди вон! – по-немецки.

– Полчаса! Understand?

Уходя, Родриго ударил по выключателю и хлопнул дверью. Яркий свет неприятно резанул по глазам. Я скривилась и жалобно посмотрела на сидящего на мокрой простыне недовольного и мятого Тиля, ошарашенно ахнула: на щеках, подбородке, лбу красовались следы от помады, сильно

стертые, но все равно различимые, на шее и ключице четыре черных пятна – засосы. Твою мать... Я подошла поближе – нет, пять засосов. Меня затрясло... Пять чужих засосов. Пять! Чужих! Засосов! И этот мерзкий запах сладких бабских духов, которым я, кажется, пропахла до самых костей. Твою мать... И как это понимать? Пять засосов...

Только не ори... Главное, не ори... Вдох. Раз, два, три. Выдох. Раз, два, три. Вдох. Твою мать! Пять засосов! Выдох. И помада! И духи! Вдох... Губы сжаты. Зубы скрипят. Выдох. Глазами хочется выжечь эти черные пятна на его шее до самого мяса! Вдох. Только не ори. Он был у Родриго. Тот мог подставить парня. Скорее всего так и было. Выдох...

Тиль перехватил мой офигевший взгляд и расшифровал его по-своему:

– Да, вот так по утрам выглядят рок-звезды, – с вызовом и какой-то обидой. – Вот такие они страшные и опухшие. Что, не нравлюсь? – Руки в волосы. Голова на грудь. Легкий болезненный стон.

Только не говори мне больше ничего, иначе узнаешь о себе много нового...

Вдох. Два, три... Выдох... Не ори. Родриго. Он был у Родриго...

Кое-как сдержала злорадную усмешку. О да, мальчик, у тебя странные представления о том, как по утрам выглядят рок-звезды. Лучше молчи, рок-звезда сопливая. Зато я знаю, что сейчас тебе хочется умереть, как минимум, – перепить

Родриго еще никому не удавалось. Что у русского ни в одном глазу, то немцу смерть от интоксикации. Дитё непутевое, хоть бы пить научился, бабник чертов. Будем тебя лечить, ибо мужчина с похмелья – злой мужчина. В чашку положила двойную дозу Alka-Seltzer. Достала из мини-бара две бутылки минералки: одну себе (все-таки коньяк даже с кофе на мой неокрепший организм повлиял не менее плохо, чем текила на организм Тиля), а вторую этому страдающему лавеласу, хотя я бы с удовольствием сейчас ею в него запустила. Взяла себя в руки и улыбнулась, внутри все клокотало от злости и негодования. Села на краешек кровати и протянула шипучку.

– Ты самая красивая опухшая рок-звезда, которую я когда-либо знала, – постаралась, чтобы голос звучал ласково. – А еще сегодня была лучшая ночь в моей жизни.

Он с подозрением уставился на жидкость.

– Пей. Конечно, сейчас было бы лучше выпить крепкого сладкого чая с мятой, но его нет, а это хотя бы снимет головную боль.

Парень, сильно морщась, выпил лекарство. Сжался весь от холода. Я обняла его за плечи. Тиль доверчиво потерся носом о мое плечо. Скользнул рукой по бедру и чмокнул в щеку. Ох, какой перегар зверский.

– Я позвоню на ресепшен, попрошу, чтобы нам постель поменяли. Ты иди, умойся, а я пока номер проветрю – дышать невозможно.

– Да, – кивнул Тиль. – Вонь страшная. А чем пахнет?

Я ядовито усмехнулась, не удержалась и съязвила:

– Твоими женщинами.

– Да ну тебя. – Он шутливо меня оттолкнул и рассмеялся. – Надо одеваться. Мы же едем к аборигенам.

– Нет, мы ложимся спать.

– Нет, едем к аборигенам. Родриго ждет.

Мои брови взлетели на лоб, а глаза удивленно распахнулись. Я прикрыла отвалившуюся челюсть и переспросила:

– Что Родриго делает?

– Ну, мы же с тобой вчера решили, что едем к аборигенам на экскурсию, – наивно хлопая пушистыми ресницами, заявил Тиль. – Так что мы едем к аборигенам. Одевайся.

– Эй, погоди! Мне кажется, что ты не слишком хорошо понимаешь ситуацию, Тиль.

– О, нет! Как раз я ее очень хорошо понимаю. И мы с тобой поедem к этим чертовым аборигенам.

– Тиль, стой! Послушай. Родриго знал о тебе, знал, что я люблю другого. Я рассказывала ему. Три недели назад он сделал мне предложение...

– А ты? – он прищурился.

– А я... А мне Дэн позвонил в тот же вечер, и я, не раздумывая, улетела в Париж к тебе. Родриго приехал сюда, чтобы вернуть меня.

– А ты?

– А я хочу быть с тобой.

– Тогда чего ты боишься?

– Я боюсь, что он сделает тебе больно. Тиль, он будет подставлять тебя. Ты это понимаешь? Он сделает всё, чтобы отбить меня. Всё, понимаешь?

– Ну вот и поиграем.

– Черт! – я вскочила и заметалась по комнате, подхватив спадающее покрывало. – Как ты не понимаешь? Это не игра! И это ты говоришь про меня! Я не приз, чтобы на меня играть!

Тиль вздохнул, пошарился по комнате в поисках трусов, натянул их и подошел ко мне.

– Я уверен в тебе. Я уверен в себе. И мне интересно на все это посмотреть. Доверяй мне. И потом, я ни разу в жизни не видел живых аборигенов, – обнял и поцеловал. – Ну, пожалуйста, поедem. Все будет хорошо. Ты мне веришь?

Я скривилась от кошмарного амбре. О, Боже, пожалей мой нос.

– Ежик, иди помойся... – прорыла, высвобождаясь из его объятий.

Тиль хихикнул и скрылся за дверью.

Я тут же подскочила к ванной и прислушалась. Не хотелось пропустить ЭТО.

ЭТО не заставило себя долго ждать. Тиль сдавленно застонал и выругался. Я злорадно потерла руки. Хе-хе, звезда полей и огородов... О, как Тиль матерился. Просто атас! Я за эти несколько часов мата от него слышала столько, что

впору словарь составлять. Он решил принять душ. Тоже правильно. А я пока соберу нас. Ох, не было у Машки печали, завела себе Машка мужчину.

Кинула в рюкзак документы, деньги... Одежда нам не нужна, мы на один день едем... Что еще? Солнечные очки... Все, наверно. Диктофон. Фотокамера. Телефоны. Нищему собраться – только подпоясаться.

Вы когда-нибудь видели, как из кухни на полусогнутых лапах выползает щенок, только что сожравший коронное блюдо хозяйки за пять минут до гостей, и полностью раскаивающийся в своем преступлении? Так вот, Тиль выглядел раз в десять забавнее. Он вцепился руками в горло и смотрел на меня, развалившуюся в кресле, так жалостливо, что я с огромнейшим трудом удерживалась от смеха. Молчу. Лицо серьезное. Ну, насколько его вообще можно построить серьезным в этой идиотской ситуации.

– Я... – залепетал он. – Я... это... там была... были... девушка... женщина... две... я... ничего не было! Клянусь! Ничего не было! Это ничего не значит! Клянусь! Ничего... там... Я был в баре... Песня... Я хотел песню... Подсела какая-то девушка... Она хотела познакомиться...

– Меня на самом деле волнует сейчас другой вопрос. Ты проболтался, кто ты? Родриго знает, кто ты? – спокойно перебила я, чувствуя, что вот-вот взорвусь. Не хочу и не буду слушать ни о каких телках, которые хотят с ним познакомиться. Мне не интересно. – Это важно. Он журналист. И он

настоящий журналист, который не откажется от сенсации.

– Нет, – трясет он головой. – Нет, я не говорил. Не мог сказать... Я помню, что он журналист. Я молчал... Он в баре меня увидел... Родриго... И еще какая-то девушка... Женщина... Девушка... Мы много выпили... Поднялись в номер Родриго... Там тоже... пили... много... А потом девушки начали приставать... Я... это... Правда... Я ничего не помню... – обреченно.

– Ты все еще хочешь поехать к аборигенам? – голос звенит, больше нет нужды скрывать недовольство и раздражение.

– Ты мне веришь? – с надеждой.

– Ты свободен в своих отношениях, Тиль. И я хочу, чтобы ты это помнил.

– Ты мне веришь? – едва слышно, с болью. Закусил губу. Ловит мой взгляд. Руки висят плетью. Еще немного и, кажется, он разревется. Весь какой-то жалкий, маленький, взъерошенный. Вот так по утрам выглядят рок-звезды, милый?

Кивнула и улыбнулась настолько тепло, насколько смогла. Его губы задрожали, он часто заморгал. Закрыв руками лицо и тут же открыл. Шагнул ко мне, уселся на подлокотник и обнял. Облегченно выдохнул мне в шею. Мы сидим, прижавшись друг к другу, в полной тишине. Не знаю, о чем думает он, но я безмерно счастлива – мы вместе, он любит, я любима.

– Я хочу поехать к аборигенам, – неожиданно твердо произнес Тиль. Уголки губ приподнялись, как будто он хищно оскалился. – Хочу. Хм, черта с два ему game over. Ты только доверяй мне. Слышишь? Доверяй.

Глава 4

Маленький самолет набрал высоту и уши наконец-то перестало закладывать. Тиль отстегнулся, пересел на диванчик поближе к иллюминатору, по-девчачьи поджав ноги, и принялся что-то кропать в тетрадку имени себя, любимого. Я чуть в обморок не упала. Мало того, что это существо напятило легкую куртежку с эмблемой группы (о! я поблагодарила всех святых, что он не надел одежду со своим именем!), так теперь еще ходил по самолету перед носом у Родриго и светил тетрадкой, на обложке которой были изображены мальчишки. Это все равно, что дразнить голодного дикого льва куском мяса – сожрет и не подавится... Мне не понятно только одно – что и кому он хотел доказать? Родриго не сможет отказаться от подобного эксклюзива – мегастар, вечно одинокий романтик, ищущий свою единственную, не целовавшийся уже три года ни с кем, инкогнито зажигает в Австралии с русской любовницей, и не дай бог Родриго заснял ночные «шалости» мальчика – это будет катастрофой. А, зная Родьку, могу сказать со стопроцентной гарантией, – ситуацию он извратит так, что святые чертыхаться начнут. Он ославит Тилья на всю Европу. Но еще в гостинице сам Тиль категорически отказался меня слушать и вырядился в одежду с иероглифом. И оставалось надеяться только на то,

что Родриго не признает в нем того холеного разукрашенного юношу с «гнездом» на голове, гордо смотрящего на нас с обложки ученической тетради.

– Надо обсудить наш план действий, – подсел ко мне Родриго.

– Я не способна... Я хочу спать... – промычала сквозь зевок.

Тиль бросил на меня вопросительный взгляд – помощь нужна?

Я слегка покачала головой, чуть улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй.

Он ответил улыбкой и поправил наушники. Опять принялся что-то писать.

– Японский бог, какая идиллия, – неприятно усмехнулся Родриго. – Ефремова, вот только честно ответь, что ты нашла в этой особи непонятного пола с женскими замашками? Тебе же никогда не нравились инфантильные мальчишки. Посмотри на него, он же даже сидит как шлюха. Все ужимку у него как у телки. Ногти черные, башка крашеная... Пацан, твою мать... Я когда его вчера увидел, думал, что ты с девкой какой-то шкурку трешь. Решил, спятила моя Машка, совсем спятила, в лесбиянку превратилась без хорошего, крепкого мужика. Боже мой... – Он возмущенно всплеснул руками. – Крашеный, с мелированием, черными ногтями, как у моей секретутки, с жуткой тату на все предплечье, как у зека... Это не парень, дорогая, это кошмар какой-то, дерьмо это.

Гомик. Натуральный. И моя Машка с ним трахается и глаз с него не спускает. Тьфу! Да еще в развитии явно задерживается. Сколько там ему? Восемнадцать-девятнадцать? В этом возрасте ребята все как один по девкам бегают, а не от групп фанатеют – вон как вырядился... И тетрадка у него тоже фанатская... Или вы вдвоем по ночам его любимый музончик слушаете? Смотреть противно. Как его мама-то отпустила?

– Родя, я же не обсуждаю твоих баб, которые душатся так, что у меня потом от них голова болеть начинает. Постеснялся бы с такими якшаться. Мало того, что сам провонял, Тиль провонял, так вся гостиница в этом отвратительном сладком смраде.

– О, куда тебя понесло...

– Конечно. Ну что за спектакль ты разыграл, детский сад, ей-богу? Думаешь, я поверю? Надеюсь, это не ты оставил у него на шее засосы?

Мельком глянула на Тиля. Он внимательно наблюдал за нами, задумчиво грызя кончик ручки.

– Чем он лучше меня?

– Он не лучше, а ты не хуже. Он просто другой. Совсем другой. – Я ласково улыбнулась Тиле и сморщила носик. Он недовольно прищурился. Уткнулся в тетрадку.

– Он хорошо трахается? Лучше меня?

– Он не трахается, Родриго. Он занимается со мной любовью. И это главное отличие. Он любит меня. А ты любишь себя. Так ты не ответил, зачем все это надо было делать?

– Что именно?

– Родриго, вот евреев у тебя в роду не было, это я точно знаю. Зачем вы засосов на нем понаставили и в помаде измазали? Ну, измазали и измазали, леший с вами, но зачем надо было выливать на него литр какой-то дешевой дряни?

– Так он сам хотел. Он тебе не рассказывал? – Густые брови удивленно изогнулись. Родриго наивно выпятил нижнюю губу и хлопнул длинными ресничками. Господи, у кого только научился такие рожи корчить? Я недовольно закатила глаза, всем своим видом показывая, что не верю ни одному слову. – Там были Джейн и Татьяна. Джейн он подцепил еще в баре. А Татьяна – это наш представитель в Австралии, она решала все организационные вопросы по поездке. Я его в баре увидел. Он мило снимал Джейн. Я решил, что это неправильно, раз уж он называет тебя своей женщиной. Ну и подсел к ним с Татьяной. Мы выпили за встречу. Посидели. Бар закрылся, и мы ушли ко мне в номер. Еще выпили. Потом твой Тиль с Джейн уединились на полчаса. Видимо алкоголь после секса выветрился, и он о тебе вспомнил. Надо же! Спроси у него сама, что я тебе рассказываю. Одно могу сказать точно – Джейн мяукала знатно. Наверное, всех акул в сиднейском аквариуме распугала. Даже Татьяна завелась, целоваться полезла. Но ты же знаешь, я тебе не изменяю.

– Тебе надо писать сценарии к немецкой порнухе. Фантазии никакой, – скривилась я.

Тиль одарил меня таким взглядом, что я чуть не кончила.

Едва заметно облизал губы. Усмехнулся томно. Я торопливо отвернулась, чувствуя, как щеки и уши начинают гореть.

– Ты спросила – я ответил. А там уж сама решай. Твой Тиль хороший кобель, который дерет всё, что шевелится, а что не шевелится, то он расшевелит и отдерет. Это я тебе как другу говорю. Не связывайся с ним. Вы же вместе недавно, да? Вот и не связывайся. Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Ничего, Маха, я подожду, пока ты нагуляешься и приползешь ко мне. Зная, какие у тебя проблемы с самооценкой, самовосприятием и ревностью, вот с этим нечто ты долго не протянешь. Он поиграет с тобой и бросит. Ведь бросил уже раз? Ноги вытер, унизил, оскорбил и выкинул, как использованную туалетную бумажку. А что потом было? Небось, пальцем поманил, и ты побежала, дура, как миленькая побежала. Да? Ничего ты еще приползешь ко мне. Только я не уверен, захочу ли тебя принять.

Я хмыкнула и отвернулась к иллюминатору. Не приползу. Всегда приползала, раны зализывала, а сейчас не приползу. Не любишь ты меня, Родя. Да и женщиной я себя рядом с тобой не чувствую... Так... Вечная дурочка с переулочка...

Лица коснулись черные волосы. Я вздрогнула. Тиль поцеловал меня и обнял. Уселся рядом, взяв мою ладонь.

– Не помешаю? – улыбнулся.

– Помешаешь, – спокойно отозвался по-английски Родриго. – Мы о делах говорим. Иди, мальчик, пиши свои стишочки. О любви, наверное, пишешь? Неразделенной?

– Непонятой, – уточнил Тиль, растягивая губы в лучезарном оскале.

– Ты бы не выпендривался тут, – не менее лучезарно оскалился Родриго.

– Заткнитесь оба, – процедила я.

Родриго удалось испортить мне настроение. Фантазия во всех подробностях рисовала картину под кодовым названием «Как Тиль провел вечер, с кем, как, сколько раз и в каких позах». Я высвободилась из его объятий и ушла к стюардессе. Хотелось выпить холодной воды и просто побыть одной.

Залпом осушила стакан и прислонилась спиной к стене. В голове постоянно крутились слова Родриго: «...мяукала знатно ... пальцем поманил, ты побежала...» Побежала, да. Даже манить не пришлось, побежала... А то, как Тиль умеет трахаться, когда очень хочет... Я шумно вздохнула, почти всхлипнула. Нет, Родриго врет. Он врет. Врет! Пальцы раздавали пластиковый стаканчик. Закрыла глаза. Родриго хочет нас поссорить. Тиль, он не мог... Он порядочный... Кто мне сказал?

– Все хорошо? – Тиль провел пальцем по контуру лица, по губам. Поцеловал в кончик носа.

Я качнула головой – нет, черт побери, ничего нехорошо, ничего!

Он обнял крепко-крепко, уперся подбородком в макушку. Рука медленно гладит по спине, успокаивает.

– Он тебя обидел?

Опять качнула головой – не хочу говорить. Прижалась к груди щекой. Обхватила тонкое тело, словно березку.

– Будь рядом со мной. Я не позволю ему обидеть тебя. Ты мне веришь? – Маленькие поцелуи волос, лба. Одна рука на затылке, вторая – на талии.

Кивнула. Я так хочу тебе верить. Ты даже не представляешь, как я хочу тебе верить.

Мы вернулись в салон. Родриго обложился газетами и книгами, всюду что-то изучал, не обращая на нас никакого внимания. Мне бы тоже не мешало подготовиться к предстоящей работе, но, из-за натянутых, как струна, нервов, я вообще не способна сейчас к чему-либо, кроме закатывания истерик. Улеглась на диванчике, положив голову Тилу на колени, и честно и благородно задремала. Ну вас всех к черту, мальчики.

Поселок Старый город встретил гостей спокойно и настроенно. Лишь местная детвора носилась вокруг, лезла к самолету и показывала на нас пальцем. Тиль профессионально приветливо улыбался абсолютно всем. Мне казалось, что вот-вот он вытащит маркер и пойдет раздавать автографы. Родриго закинул рюкзак за спину, деловито направился к маленькому двухэтажному зданию. Одна я осталась не при делах. Огляделась. Мы приземлились в долине, со всех сторон окруженной горами. Весна в самом разгаре. Сочная трава. Молодая зелень на деревьях. Все цветет и пахнет. Чирикают птицы, орут цикады. Горы кажутся плюшевыми из-за по-

крывающих их лесов. Теплый ветер обдувает лицо. Пахнуло навозом. Пастух выгонял стадо буренок на пастбище за поселком. Сам же поселок, насколько мне было видно по прямой желтой дороге, ведущей прямо от импровизированного «аэропорта», представлял собой поселение из нескольких десятков деревянных одно- и двухэтажных домиков. Взрослых не видно, а вот чумазая детвора избрала объектом для приставания Тиля, который забавно играл с ними в какое-то подобие салок, весело скакал и всячески бесился. Господи, человеку восемнадцать лет, а носится наравне с семилетками.

– Это Брайн, наш проводник, – представил Родриго через несколько минут невысокого коренастого мужчину неопределенного возраста. Маленькие серые глазки Брайна просветили рентгеном сначала мятую меня, потом запыхавшегося Тиля, сдувающего с лица растрепавшиеся прядки. Тонкие обветренные губы скривились в презрительной усмешке.

– Рад познакомиться, – сообщил Брайн и протянул мне руку. Сухая и мозолистая ладонь жестко сжала мою ладошку. Я увидела сетку глубоких морщин у глаз и на лбу. Значит, мужик в возрасте. Лет пятьдесят, наверное.

– Взаимно, – без малейшей улыбки ответила я.

Тиль ограничился кивком.

Дядька закинул тощий рюкзак за плечи, поправил винтовку, и, ни слова не говоря, прошел мимо меня. Мы с Родриго подхватили наши рюкзаки и последовали за проводником.

Только когда Родька повернулся ко мне спиной, я заметила, что он тоже вооружен. Что-то мне это совсем не нравится. И только мы с Тилем все из себя такие на экскурсию собрались.

– Мари, а зачем им оружие? – догнал меня Тиль.

– Мы в горы идем, вдруг там дикие звери водятся, – пожала я плечами. Откуда я знаю, зачем им оружие. Мне и проводник наш не нравится. Вообще не нравится.

– Я сначала хотел отвести нас в центр аборигенской культуры Брамбрук, это в 200 километрах от Мельбруна, – снизошел до объяснения Родриго. Я принялась переводить его русскую речь на немецкий. – Но потом решил, что это скучно. Что мы там увидим? Как аборигены огонь разжигают да свои шаманские танцы танцуют? Поэтому Татьяна договорилась с представителем племени майри, что мы проведем у них один день. Больше напрягать людей, думаю, не стоит. Ты, Машка, будешь в племени контакты наводить, а я на охоту пойду. Туда только мужчин берут, – ехидно скосился на Тиля Родриго. Я благоразумно последние фразы переводить не стала. – И еще, хочу сразу предупредить, особенно твоего сопляка...

– Родриго, – гневно одернула я его. Но Родька класть хотел на мое возмущение.

– Ты не вякай тут, переводи слово в слово. Я проверю. Нам проблемы не нужны. А с его сексуальной активностью они у нас будут. Хорошо меня поняла?

Я набычилась. Он хлопнул меня по заднице, подсаживая

в открытый старый и страшный джип. Сам прыгнул на переднее сиденье рядом с Брайном. Тиль неловко забрался без всякой помощи из вне. Начал недовольно рассматривать маникюр – не испортился ли.

– Так вот, что я хотел сказать. В этом племени серьезно наказывают за прелюбодеяние. Муж неверной жены убивает любовника и подаёт ей на обед его член или сердце. Так что, мальчик, воздержись приставать к местным женщинам, если не хочешь остаться без этих важных органов. Аборигенки могут не оценить твоих порывов, как Джейн, – Родриго рассмеялся и подмигнул Тиллю. Тот покраснел, нахмурился и пристально посмотрел на меня, требуя точный перевод. Я наболтала какую-то глупость о том, что местные женщины очень целомудренны. Теперь нахмурился Родриго и с русского перешел на английский, повторив историю для Тили заново. Парень сначала побледнел, услышав имя Джейн, испуганно глянул на меня, потом стал ярко-малинового цвета, сжал кулаки. Нет, они подерутся! Ей-богу подерутся! Я схватила его за руку и припала губами к щеке.

– Ты обещал не реагировать на провокации, – шепнула. – Ну же, будь умницей. Я в тебе уверена.

Тиль довольно улыбнулся и обнял меня. Потом хищно посмотрел на Родриго и... Его язык ворвался в мой рот, губы обхватили мои. Я страстно ответила, понимая, что он специально так меня целует, чтобы досадить Родриго. Ну и пусть! Даже меня уже начали забавлять эти глупые бодания двух

самцов. Пусть бодаются. Моё со мной. И точка. Я обняла Тиля. Рука непроизвольно начала ласкать его тело. Как же хорошо.

– Ефремова, Еф-ре-мо-ва! – недовольно стащил меня с парня Родриго. – Кончай лизаться! Не нализалась что ли за ночь?

Мы с Тилем оторвались друг от друга и одновременно показали Родьке язык. Захохотали. Родриго фыркнул и отвернулся.

– Идиоты... Господи, с кем я связался?..

– «Не нализалась за ночь», – передразнила я его противным голосом. – Нет, не нализалась. А как налижешься, если ты его сначала споил, потом твои телки мне до мальчика помогались, чуть невинности его не лишили?

– И ты ему поверила?

– А кому верить? Тебе что ли? Сказочник. Ганс практически Христиан, – широко улыбнулась я. – Дальше рассказывай.

– Что тебе еще рассказывать? Это племя бывших каннибалов. Они не употребляют человечину, кажется, уже лет пятьдесят, если не больше. Хотя, я бы им скормил кое-кого. Но вообще в Австралии и Новой Зеландии еще сохранились племена, которые считают, что человечина вкуснее сочного каре барашка. Я вот с утра, пока ты дрыхла, в газете прочитал про аборигенов с Фиджи. Представляешь, они решили извиниться перед потомками английского миссионера Тома-

са Бейкера за то, что его сожрали. Нашли родственников в Англии и провели церемонию покаяния.

– Круто! – восторженно воскликнул Тиль. – А за что его съели? Просто так?

– А за то, что трогал руками чужое, – многозначительно покосился на меня Родриго. – По одной из версий, священник вызвал гнев общественности тем, что вытащил гребень из волос вождя. Дело в том, что прикосновение к голове вождя считалось одним из самых страшных преступлений. Его тут же убили, разделали и пожарили. Говорят, что один из людоедов потом долго хвастался, что съедено было все кроме ботинок англичанина. Вот будешь трогать чужое, мальчик, и тебя съедят. Только кроссовки и останутся Машке на память.

– Дурак! – воскликнула я. – Типун тебе на язык. – И сильнее прижалась к Тиллю.

– А у меня и кроссовки можно съесть. Они из натуральной кожи, – радостно сообщил Тиль.

Я схватилась за голову – меня окружают идиоты.

Через полчаса нас высадили из машины, и мы еще час карабкались куда-то вверх по горам. Тиль плелся в самом конце, и я уже начала жалеть, что пошла у него на поводу и согласилась на поездку. Это дитё асфальта еле волокло свое тощее тельце по горным тропинкам, обливалось потом и жутко нудело. Я сделала пару снимков звезды в непривычных для него условиях – пусть покажет брату и похвастается, в какую

авантюру втянула его русская девушка.

– Брайн, расскажите нам об обычаях этого племени. Вы ведь должны их знать? – попросила я.

– Вообще-то, – недовольно подал голос проводник. – Вам бы лучше не знать об их обычаях. Сегодня это цивилизованное племя и они не имеют ничего общего со своими предками.

– Ах как жаль! – всплеснула я руками, но отставать не собиралась. – А какие у них были раньше обычаи? Расскажите, Брайн. Ну, пожалуйста.

– Мисс, это не для ваших нежных ушей.

– Поверьте, Брайн, нежные уши мисс выдерживают даже мат сеньора Гарсия-Пуговкина, так что вы можете за них не опасаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.